

СКАЗ О ДВУХ МЭДДИ

— ТВОЯ МАТЬ СПРОСИЛА, не замечала ли я за тобой чего необычного в последнее время, — говорит Карла из другого конца гостиной.

Я смотрю первую часть фильма «Миссия невыполнима» с Томом Крузом. Он играет супершпиона Итана Ханта, который ведет двойную, тройную, а порой и четверную жизнь. Фильм подходит к концу, и Итан как раз разоблачает себя, в буквальном смысле, чтобы поймать плохих парней.

Карла повторяет сказанное, на этот раз громче.

— А ты замечала? — спрашиваю, когда Итан снимает свою невероятно реалистичную маску и открывает лицо.

Я наклоняю голову вбок, чтобы рассмотреть его лучше. Карла выхватывает пульт у меня из рук и нажимает паузу. Затем бросает пульт в угол дивана.

— Что не так? — Мне становится стыдно, что я ее игнорировала.

— Ты. И этот мальчик.

— Что ты хочешь сказать?

Она вздыхает и садится.

— Я знала, что позволять вам видеться — это ошибка. Теперь я вся внимание.

— Что сказала мама?

— Ты что, отказалась смотреть с ней кино?

Я знала, что не стоит этого делать. У мамы был такой обиженный и разочарованный вид, но я не хотела ждать девяти часов, чтобы пообщаться с Олли. Я никак не могу с ним наговориться. Слова переполняют меня. У меня никогда не иссякнут темы для общения с ним.

— И она говорит, что ты все время рассеянная. И заказала много одежды. И обувь. И она почти обыграла тебя в какой-то игре, в которой ты всегда побеждаешь.

Ого.

— Она что-то подозревает?

— Это все, что тебя беспокоит? Послушай, что я скажу. Твоя мать скучает по тебе. Она одинока без тебя. Ты бы видела ее лицо, когда она со мной об этом заговорила.

— Я только...

— Нет! — восклицает Карла, вскидывая руку. — Тебе больше нельзя с ним видеться. — Она тянется за пультом и сжимает его в руках, глядя куда угодно, только не на меня.

Меня охватывает паника, сердце колотится в груди.

— Карла, пожалуйста. Пожалуйста, не отнимай его у меня.

— Он не твой!

— Я знаю...

— Нет, ты не знаешь. Он не твой. Может, сейчас у него и есть на тебя время, но скоро он снова пойдет в школу. Там он познакомится с какой-нибудь девочкой и станет ее Олли. Ты меня понимаешь?

Карла просто пытается оградить меня от боли, так же как я пыталась оградить себя несколько коротких недель тому назад, но ее слова убеждают меня в том, что сердце у меня в груди — такая же мышца, как и все остальные. Оно может болеть.

— Я понимаю, — отвечаю тихо.

— Побудь со своей матерью. Мальчики приходят и уходят, а матери — это навсегда.

Я уверена, что те же самые слова она говорила своей Розе.

— Ладно. — Карла протягивает мне пульт.

Мы обе разглядываем застывшую картинку на экране. Потом она упирается обеими руками в колени и встает.

— Ты серьезно это сказала? — обращаюсь я к ней, когда она проходит полкомнаты.

— Сказала что?

— Ты говорила, что от любви я не умру.

— Да, но от нее может умереть твоя мать. — Она выдавливает из себя слабую улыбку.

Я задерживаю дыхание, жду.

— Ладно, хорошо. Ты сможешь с ним видаться, но ты должна взяться за ум. Поняла?

Я киваю в знак согласия и выключаю телевизор. Итан Хант исчезает.

Оставшуюся часть дня я провожу в солнечной комнате, вдали от Карлы. Я не злюсь на нее, но это не значит, что я не злюсь вообще. Все мои сомнения насчет того, правильно ли я поступаю, скрывая от мамы правду, испарились. Поверить не могу, что один-единственный отказ в просмотре фильма чуть не привел к тому, что мне запретили видаться с Олли. Раньше меня беспокоило то, что у меня есть секреты от мамы. Теперь я волнуюсь, что не смогу иметь их вообще. Я знаю, ее расстроило не то, что я купила себе новую одежду. Она расстроена тем, что я не посоветовалась с ней, удивлена моим неожиданным выбором цветов. Она огорчена переменой, которую не могла предвидеть. Я негодную и понимаю ее в одно и то же время. Ей приходится контролировать столько вещей, чтобы я оставалась в безопасности в своем «пузыре».

И я признаю, что в ее словах есть доля правды. Я действительно рассеянна, когда я с ней, ведь мои мысли постоянно настроены на радио Олли. Я знаю, маму нельзя назвать неправой. Но все же возмущаюсь.

Разве отдаление — не часть взросления? Мне что, нельзя иметь даже этой крохи нормальности?

И при этом я чувствую вину перед ней. Мама посвятила мне свою жизнь. Кто я такая, чтобы перечеркнуть все это при первом же признаке влюбленности?

Карла наконец находит меня — ей нужно провести назначенный на четыре часа осмотр.

— Есть такая вещь, как внезапно возникающая шизофрения? — спрашиваю я.

— А что? У тебя такое?

— Возможно.

— Я сейчас разговариваю с хорошей Мэдди или с плохой?

— Неясно.

Она хлопает меня по руке:

— Не обижай свою маму. Ты — все, что у нее есть.

КАРТА СВОБОДЫ

Email

1 из 3,557

НАПИСАТЬ

ВХОДЯЩИЕ (4)
ОТПРАВЛЕННЫЕ
ЧЕРНОВИКИ
УДАЛЕННЫЕ
ЕЩЕ ▾

Вашу заявка на оформление кредитной карты принята

 Argentis Inc.
to me

Благодарим за поданную вами заявку на получение новой карты Argentis FreedomCard. С этой картой у вас будет большая свобода действий и покупательская способность, которые позволят вам осуществлять мечты и строить планы на будущее.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ
Мэделайн Ф. Уиттиер
304 Папильон-уэй

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ ХОДЯТ, когда нервничают. Олли крадется.

— Олли! Это всего лишь стойка на руках. У стены. Со мной все будет в порядке. — У меня ушел час на то, чтобы убедить его показать мне, как выполнить стойку.

— У тебя недостаточно силы в запястьях и в верхней части тела, — ворчит он.

— Я уже это слышала. Я сильная, — говорю, поигрывая бицепсом. — Я могу выжать лежа свой вес, правда, в книгах.

Олли едва заметно улыбается этой шутке, а потом, слава богу, перестает красться. Оттягивает резинку на запястье, обводя взглядом мое тело, мысленно критикуя недостаток физической силы.

Я закатываю глаза настолько театрально, насколько это вообще возможно.

— Ладно, — вздыхает он с не меньшим драматизмом. — Присядь на корточки и упрись руками в пол. — Он демонстрирует, как это сделать.

— Я знаю как...

— Сосредоточься.

Я приседаю.

Стоя в другой половине комнаты, Олли оценивает мою позу и вносит корректировки: ладони в тридцати сантиметрах друг от друга, руки прямые, локти прижаты к коленям, пальцы расставлены, — и наконец все вроде так, как должно быть.

— Теперь, — говорит он, — немного перенеси вес вперед, пока пальцы ног не оторвутся от земли.

Я слишком сильно подаюсь вперед и, кувырнувшись через голову, падаю.

— Ха, — произносит Олли, а потом поджигает губы. Он старается не засмеяться, но предательская ямочка выдает его.

Я снова занимаю исходную позицию.

— Переноси вес, а не наклоняйся, — говорит он.

— Я вроде так и делала.

— Не совсем. Так, ладно. Смотри на меня. — Он приседает. — Ладони в тридцати сантиметрах друг от друга, локти напротив коленей, пальцы расставлены. Медленно, медленно переносишь вес вперед, нагружаешь плечи, отрываешь пальцы ног от пола, а потом просто выталкиваешь себя вверх.

Олли встает на руки со своей обычной непринужденной грациозностью. И снова я потрясена тем, насколько он умиротворен, когда двигается. Это для него

словно медитация. Для него тело — спасение от мира, в то время как я замурована в своем.

— Хочешь, покажу еще раз? — спрашивает он, вновь оказавшись на ногах.

— Нет.

В нетерпении я переношу вес на плечи, как мне сказано, но ничего не происходит. Ничего не происходит еще примерно час. Нижняя половина моего тела остается будто прикованной к земле, а плечи горят от усилий. Я еще несколько раз непреднамеренно кувыркаюсь через голову. В итоге все, чего мне удастся добиться, — это не визжать, совершая очередной кувырок.

— Сделаем перерыв? — спрашивает Олли, по-прежнему стараясь подавить улыбку.

Я рычу на него, опускаю голову, снова подаюсь вперед и перекатываюсь через голову. Теперь он уже откровенно смеется.

Лежа на спине, я пытаюсь перевести дух, а потом начинаю смеяться вместе с ним. Через несколько секунд снова перехожу в присед, упираясь руками в пол.

Он качает головой:

— Кто бы мог подумать, что ты настолько упертая.

Не я точно. Я не думала, что я такая упертая. Олли хлопает в ладоши.

— Ладно, давай попробуем кое-что другое. Закрой глаза.

Я закрываю.

— Хорошо. Теперь представь, что ты в космосе.

С закрытыми глазами мне кажется, что он ближе, как будто он прямо рядом со мной, а не в другой части комнаты. Его голос скользит по моей шее, шепчет мне прямо в ухо:

— Видишь звезды? А вот этот пояс астероидов? А вон тот одинокий спутник, проплывающий мимо? Здесь нет гравитации. Ты ничего не вешишь. Можешь делать со своим телом все, что захочешь. Тебе достаточно просто подумать об этом.

Я подаюсь вперед и внезапно оказываюсь вниз головой. Вначале я не уверена, что у меня получилось. Я несколько раз открываю глаза и замуриваюсь снова, но мир так и остается перевернутым. Кровь приливает к голове, и я ощущаю в ней тяжесть и легкость одновременно. По вине гравитации мой рот растягивается в улыбке, а глаза не могут оставаться закрытыми. У меня появляется потрясающее чувство — я словно чужак в собственном теле. Руки начинают дрожать. Я постепенно заваливаюсь и ступнями касаюсь стены. Отталкиваюсь от нее, чтобы поменять направление движения, и возвращаюсь в присед.

— Bravo, — говорит Олли, аплодируя. — Ты даже несколько секунд простояла без опоры. Очень скоро тебе вообще не понадобится стена.

— Как насчет прямо сейчас? — Я хочу больше, хочу видеть мир таким, каким он его видит.

Олли колеблется, собираясь воспротивиться, но потом смотрит мне в глаза, кивает и присаживается на корточки, чтобы следить за мной.

Я приседаю, упираюсь руками, отталкиваюсь от земли. Почти сразу же теряю равновесие и заваливаюсь назад. Внезапно Олли оказывается прямо рядом со мной, его руки касаются моих лодыжек, поддерживают меня. Все нервные клетки в моем теле мигрируют туда, где сейчас его пальцы. Кожа под ними оживает. Как будто ко мне никто прежде не прикасался.

— Опустит, — говорю я, и он осторожно опускает мои ноги, пока они вновь не оказываются на полу.

Я жду, что он вернется обратно в свой угол, но он этого не делает. Не давая себе времени на раздумья, я встаю перед ним. Мы всего в метре друг от друга. Я могла бы протянуть руку и прикоснуться к нему, если бы захотела. Я медленно поднимаю глаза и встречаюсь с ним взглядом.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Я собираюсь сказать «да», но вместо этого качаю головой. Я должна отойти. Олли должен отойти. Ему нужно вернуться обратно, в свою часть мира, но он не отходит, и по его глазам я вижу, что он этого не делает. Мое сердце бьется так громко, что Олли, я уверена, слышит стук.

— Мэдди? — Он вопросительно произносит мое имя, и я перевожу взгляд на его губы.

Олли протягивает правую руку и берет меня за указательный палец левой руки. Его рука шероховатая, в мозолях, и такая теплая. Он один раз проводит большим пальцем по костяшке моего, а потом сжимает его в ладони. Я смотрю на свою руку. Другьям же разрешено трогать друг друга, верно? Высвобождаю мизинец, и мои пальцы переплетаются с его, и теперь наши ладони прижаты одна к другой.

Я снова заглядываю ему в глаза и вижу в них свое отражение.

— Что ты видишь? — спрашиваю.

— Ну, во-первых, веснушки.

— Ты помешался.

— Немного. Они выглядят так, словно кто-то обрызгал шоколадом твой нос и щеки.

Олли переводит взгляд на мои губы и снова смотрит в глаза.

— У тебя розовые губы, и они становятся еще розовее, когда ты их покусываешь. Ты кусаешь их больше, когда собираешься в чем-то со мной не согласиться. Тебе стоит делать это пореже. В смысле, пореже не соглашаться, а не покусывать. Покусывание выглядит очаровательно.

Мне нужно что-то сказать, остановить его, но я словно лишилась дара речи.

— Я никогда не видел таких длинных, пушистых и волнистых волос, как у тебя. Они похожи на облако.

— Если бы облака были каштановыми, — произношу я, наконец обретая голос, пытаюсь разрушить чары.

— Да, волнистые каштановые облака. А еще твои глаза. Готов поклясться, они меняют цвет. Иногда они почти черные. Иногда карие. Я стараюсь найти взаимосвязь между их цветом и твоим настроением, но пока не нахожу. Буду держать тебя в курсе.

— Взаимосвязь — это не причинно-следственная обусловленность, — говорю я только для того, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Олли улыбается и сжимает мою руку:

— А что ты видишь?

Я хочу ответить, но понимаю, что не могу. Качаю головой и снова смотрю на наши руки.

Мы продолжаем стоять так, перетекая из определенности в неопределенность и обратно. Только когда раздаются шаги Карлы, мы расходимся.

Я создана. И снова уничтожена.

КОЖА

ОДНАЖДЫ Я ПРОЧИТАЛА, что большинство клеток в организме заменяются новыми в среднем каждые семь лет. Еще более удивительно: верхние слои кожи обновляются раз в две недели. Если бы *все* клетки в нашем теле обладали такой способностью, мы были бы бессмертны. Но некоторые из клеток, как, например, клетки мозга, не обновляются. Они стареют и старят нас.

Через две недели на моей коже не останется воспоминаний о том, как к ней прикасалась рука Олли, но мозг будет помнить. Можно получить или бессмертие, или память о прикосновении. Но не то и другое одновременно.

ДРУЖБА

 Позднее, 20:16

Олли: ты рано вышла в чат

Мэделайн: Сказала маме, что у меня много уроков.

Олли: ты в порядке?

Мэделайн: Ты о том, не заболела ли я?

Олли: да

Мэделайн: Пока все хорошо.

Олли: ты волнуешься?

Мэделайн: Нет. Я в порядке.

Мэделайн: Я уверена, что все в порядке.

Олли: ты волнуешься

Мэделайн: Немножко.

Олли: мне не стоило. прости

Мэделайн: Пожалуйста, не проси прощения.

Я не жалею. Я бы ни на что это не променяла.

Олли: и все равно

Олли: ты уверена, что с тобой все ок?

Мэделайн: Я чувствую себя обновленной.

Олли: всего лишь от того что мы подержались за руки? ха. вообрази на что способен поцелуй

Мэделайн: ...

Мэделайн: Друзья не целуются, Олли.

Олли: очень хорошие друзья могут

ИССЛЕДОВАНИЕ

СУТКИ СПУСТЯ Я ДУМАЮ ТОЛЬКО О ПОЦЕЛУЯХ. Каждый раз, как закрываю глаза, я вижу перед собой слова «вообрази на что способен поцелуй». В какой-то момент меня осеняет, что я ничего не знаю о поцелуях. Разумеется, я о них читала. Я видела достаточно поцелуев в фильмах, чтобы получить представление о том, что это такое. Но я никогда не представляла, что поцелуют меня, и уж определенно не думала, что кого-то поцелую сама.

Карла говорит, что, скорее всего, мы с Олли сможем снова увидаться сегодня, но я решаю подождать еще пару дней. Она не знает о том, что Олли коснулся моих лодыжек, что мы держались за руки, о том, как дышали практически одним воздухом. Мне стоило бы сказать ей, но я не говорю. Боюсь, что тогда она положит конец нашим встречам. Еще одна ложь в моем растущем списке. Теперь Олли — единственный в моей жизни человек, которому я не лгала.

Проходит сорок восемь часов после наших прикосновений, и я по-прежнему чувствую себя хорошо. Украдкой

заглядываю в листы контроля, когда Карла не видит. Кровяное давление, пульс и температура, похоже, в норме. Никаких признаков возможных осложнений.

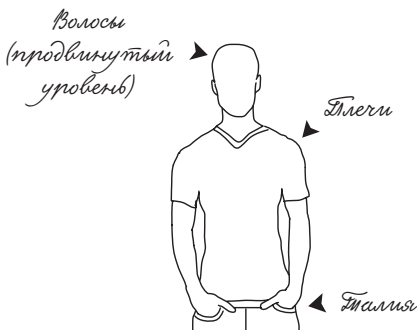
Я словно теряю контроль над собственным телом, когда представляю, что целую Олли, но совершенно уверена в том, что все это просто влюбленность.

ЧЕКЛИСТ: ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ ПЕРЕД ПОЦЕЛУЕМ

Бальзам для губ

Определить возможные положения рук

Попрактиковаться

Мягкий участок
между большим
и указательным
пальцами

Диванная
подушка

Бульбочная
тыква

ПОДПИСЬ _____

ПРОЧИТАНО+УСВОЕНО _____

СОЗДАНИЕ ПОДХОДЯЩЕЙ АТМОСФЕРЫ

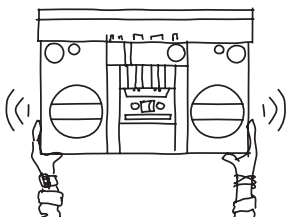
Дождь

*Доказано:
увеличивает страсть*

*Смотреть:
«Дневник памяти»,
«четыре свадьбы
и один похороны»*

Переносное аудиоустройство

*Обеспечит
правильный
музыкальный фон*

*Смотреть:
Почти все роман-
тические комедии*

Эпическое стихотворение о любви

*Вызвать
и зачитать
непосредственно
перед поцелуем*

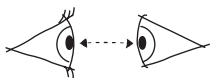
ПОДПИСЬ _____

ПРОЧИТАНО+УСВОЕНО _____

МЕХАНИКА ПОЦЕЛУЯ

Забудиться
в возможности
поцелуя

Продолжительный

зрительный контакт

Необязатель-
ные касания

Сложить губы так,
чтобы они были
нужной твердости

Хорошо
промаркированный
степень

Слишком
твердые

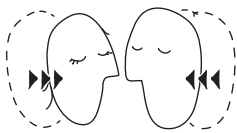

Слишком
мягкие

Наклонить
голову, чтобы
не столкнуться
носами

Приблизить лицо

Партнер
сократит
оставшееся
расстояние

Осуществить
контакт

Прижаться губами
к губам партнера
на 3-5 секунд

Медленно
отстраниться

Вариант:
Держать глаза
закрытыми!

ПОДПИСЬ

Da

ПРОЧИТАНО+УСВОЕНО

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ОЛЛИ НЕ НА СТЕНЕ. И даже не в дальнем конце дивана. Он сидит прямо посередине, положив локти на колени, и оттягивает резинку на запястье.

Я задерживаюсь в двери. Он не сводит глаз с моего лица. Ощущает ли он ту же самую потребность находиться в одном месте, дышать одним воздухом со мной? Я в нерешительности стою на пороге. Я могла бы занять его привычное место у стены. Или остаться прямо здесь, у двери. Я могла бы сказать ему, что нам не стоит испытывать мою судьбу, но я не могу. Даже больше того — не хочу.

— Тебе идет оранжевый, — произносит он наконец.

На мне одна из моих новых футболок. У нее треугольный вырез, она сидит в обтяжку, и теперь это мой любимый предмет одежды. Возможно, я куплю еще десять точно таких же.

— Спасибо. — Я прижимаю руку к животу: бабочки вернулись, и их не угомонить.

— Мне отойти? — Олли оттягивает резинку на запястье, зажимая ее большим и указательным пальцами.

— Не знаю, — говорю я.

Он кивает и начинает подниматься.

— Нет, подожди, — говорю, прижимая другую руку к животу и подходя к нему. Я сажусь, оставляя между нами меньше полуметра.

Олли отпускает резинку, и она щелкает по руке. Его плечи расслабляются — а я и не осознавала, что он был в напряжении. Сидя рядом с ним, я сжимаю колени, втягиваю голову в плечи. Пытаюсь стать как можно меньше, как будто мой размер может как-то повлиять на расстояние между нами.

Олли поднимает руку с колена и протягивает ее мне, шевеля пальцами. Все мои колебания тут же исчезают, и я кладу свою руку в его ладонь. Наши пальцы сразу занимают правильное положение, словно мы держались за руки всю жизнь. Я не знаю, как это происходит, но расстояние между нами сокращается. Олли придвинулся? Я?

Теперь мы сидим почти вплотную, задевая друг друга плечами. Он проводит большим пальцем по моему, от костяшки до запястья. Вся моя кожа, каждая клетка, вспыхивает. Нормальные, здоровые люди могут делать это в любое время? Как им удастся пережить эти ощущения? Как они справляются с потребностью прикасаться друг к другу *постоянно*?

Олли слегка тянет меня за руку. Я знаю, что это вопрос, и перевожу взгляд с волшебства, которое творят

наши руки, на волшебство его лица, его глаз и губ, которые приближаются к моим. Это я придвинулась? Или он?

Я ощущаю его теплое дыхание, а потом его губы легко касаются моих. Мои глаза сами собой закрываются. В романтических комедиях показывают правду. Невозможно не закрыть глаза. Олли отстраняется, и мои губы леденеют. Я что-то делаю неправильно? Мои глаза распахиваются и врезаются в потемневшую синеву его глаз. Он снова целует меня — так, словно боится продолжать и боится остановиться. Я вцепляюсь в его футболку.

Мои бабочки буйствуют.

Олли сжимает мою руку, и мои губы приоткрываются, наши языки соприкасаются. На вкус он как соленая карамель и солнечный свет. Или такой, какими солнце и карамель, по-моему, должны быть. Такого вкуса я не знала прежде. Он как надежда, и возможность, и будущее.

На сей раз я отстраняюсь первой, но только потому, что задыхаюсь. Если бы я могла, я бы целовала его каждую секунду каждого дня своей жизни. Олли наклоняется и прижимается лбом к моему лбу. Я ощущаю его дыхание на щеках. Оно немного сладковатое. Совсем чуть-чуть, такое, что хочется еще.

— Это всегда вот так? — спрашиваю, замерев.

— Нет, — говорит Олли. — *Никогда.* — Я слышу изумление в его голосе.

И вот так все меняется.

